

Владимир ТАЙХ

Уроки Софьи Гасско

Сколько раз ею я был унижен и раздавлен. И сколько раз она была причиной того изумительного настроения, того счастья, что может испытать только подросток. Что быстро проходит, но не может забыться.

По её предмету я писал с ошибками. И были бы ошибки хоть стоящими, так нет — пропуски букв, а то "в" вместо "б" или "к" вместо "ж" и ещё более дурацкие, но были и настоящие, добротные. К домашним заданиям я подходил творчески, делал быстро и бездарно. И была у меня насчёт школьного изучения русского языка собственная вполне научная, главное — удобная, теория. На кой чёрт нужно корпеть над каждой буквой, соблюдать правила (грамматика, пунктуация)? Ведь главное, чтобы был понятен смысл. Ошибки — повод для придирок учителей и основание для их существования (с соответствующей зарплатой). Всё это я высказал Софье Яковлевне после трагического (для всей моей жизни) инцидента.

Я, как обычно, не знал урока, а тут: "К доске!" Отвечаю: "МНЕ болит голова". Поверьте, так говорили тогда все вокруг — дома, в школе, вообще в Одессе. Да и сейчас говорят многие. И случилось! Этого не передать словами. Того, как она на меня посмотрела. Она, аристократка, с печалью и безгневностью на лице спокойно, с акцентом на "меня" сказала: "У МЕНЯ болит голова. Садись".

Уверен, что на следующий день она уже не помнила об этом, а я — мне уже за 70 — не могу забыть её лицо в те три секунды. Память на протяжении жизни не раз возвращала эти кадры, а чувство стыда и унижения перешло в чувство благодарности, даже обожания.

В тот день до конца урока я копил в себе, разгигал, питал мстительное раздражение, я формулировал свою обиду, готовил страшную месть. На перемене я пристал и пошёл с нею до учительской, высказывая всё, что думал о преподавателях русского языка и о ненужности этого предмета. Она шла, слушала, не улыбалась. Перед дверью учительской:

— Хочешь поспорить? Давай. Через неделю-две. На уроке. Только я буду говорить то, что ты сейчас наговорил, а ты — опровергать. Договорились?

Я послушно согласился, отметив, однако: "О, хитра!" К этому разговору больше, естественно, не возвращались.

В то время она (по нашим понятиям) была немолода, полновата, с учительской причёской — зачесанными назад волосами, не красива в понятии общепринятом. Но были в ней неистребимый аристократизм и принимаемое нами как должное нечто возвышенное. И ум в выразительных и красивых глазах.

Вот она начинала читать что-нибудь из "школьной" поэзии. "Горе от ума", "Онегина", стихи из программы. Сначала просто, даже невыразительно. Но проходила минута, другая — и чтение её приобретало металл и ритм, её произношение становилось изысканным. После занятий я хватал книгу и пытался читать, "как Софа". Так я в восторге проглотил "Горе от ума", Пушкина, "На смерть поэта", современных. Так я стараюсь читать стихи и сейчас.

Как-то после ответа у доски спросила: — Есть любимый поэт? — Маяковский (в классе в разных местах хихикали).

— Что из Маяковского ты любишь? — "Облако в штанах" и вообще всё. — Можешь прочесть что-нибудь?

Я начал читать "Домой", со второй строки понял свою оплошность, но деваться было некуда. Я смутился, промямлил "а Маркиту, толечко моргните, за сто франков препроводят в кабинет". Опять смешки. Товарищи по классу Лерман и Дивинский тут же "показывают" меня. В лицах. Дурацкую улыбку, не уступающую ей дёрганья рук и подмигивания. Было смешно, но до слёз обидно — опозориться перед Софьей. Она поняла и разрядила ситуацию:

— А ты знаешь, в этом стихотворении была другая концовка. "Я хочу быть понятой своей страной..."

Я знал эти строки, но не предполагал, что они из этого стихотворения. Для меня — открытие. Постеснялся спросить, в каком месте они стояли. И до сих пор, дурак, точно не знаю.

Со временем в моих сочинениях стали появляться её резюми: "Хорошо", "Очень хорошо" "Молодец", "Написал выразительно и кратко". Оценки: 2, редко — 3, за ошибки. До сих пор храню сочинение "Весь Маяковский в трёх толстых школьных тетрадах с её автографом "Содержание изумительное, но... ошибки — 2, Гасско".

Ещё прошло время, стал писать грамотней, на четвёрки, затем стали случаться и пятёрки, в аттестате — 4 (язык) и 5 (литература). Стопроцентная заслуга Софьи Яковлевны. А до этого, хотя мне казалось, что с нею у меня какое-то взаимопонимание, она не пропускала случая обрушить на меня ушат с холодным своим сарказмом. Смертельные мои обиды "ах так, ну, всё... навсегда... никогда не прощу" кончались ещё большим доверием, любовью. Я был приручен, но об этом она вряд ли догадывалась.

Проходили пушкинскую "Полтаву", я у доски: "И за учительЕй своих заздравный кубок поднимает..." (заглавной буквой здесь обозначено ударение). Она поправила — "учИтелей".

— А почему? — Так правильно — И сейчас?

— Конечно. Все говорят "учителя", но тогда надо говорить "мучителя" и "водителя", "вредителя". Слова эти едины по конструкции. А пострадали токари, слесари и учителя (токаря, слесаря, учителя) за наибольшую близость их к народу-языко-творцу, тогда весьма безграмотному. Это слова на каждый день. Не соискатель, не свидетель, не вседержитель. Учитель — это отвратительно (последние три слова — смято, почти шёпотом).

— Но вы тоже говорите "учителя". — А это ещё отвратительней. — Так что, надо всегда говорить "учИтели"? — Попытайся!

С тех пор ни разу не произносил это слово по-другому. С того дня уже прошло более шестидесяти лет, а "учителя" живы и всеприняты.

И постепенно, будто состоялась предложенная ею дискуссия, но в виртуальном варианте, я стал даже не ревнителем, а просто апологетом языка, конечно, насколько хватало развития и культуры. Вылечить такого балбеса! Не это ли высшая отметка учителю (5+)?!, не это ли смысл многолетних тяжких трудов, не оправдание бессонных ночей, сомнений, минут отчаяния, унижения от несоответствия высокого внутреннего и убогого окружающего?

А пока в классе — выговоры и выволочки: — Что значит — прочту стих Светлова? Стих — это одна строка, только одна строка стихотворения, и ничего более. Запомни!

Я запомнил. На всю жизнь.

— Одеть можно только лицо одушевлённое или приравненное к одушевлённому. "Одеть ребёнка", "В гранит одетая Нева". Неодушевлённое можно только надеть. Пальто, очки, маску. Недавно одна народная артистка "одевала" любимую брошь.

Научатся этому когда-нибудь наши "нонешние" (её шутовское выражение) интеллектуалы, политики, шоумены?!

Как-то ранним вечером я шёл к школьному товарищу Вове Маргулис — мимо школы, по Сабанееву мосту, в Воронцовский переулок. Мы с ним вдвоём делали астробию, прибор по заданию учителя физики Фёдора Терентьевича Прусакова (не уверен, что "с" в его фамилии двойная). Проходя мимо Дома учёных, столкнулся с выходящей Софьей Яковлевной. Я: "Добрый вечер". Она: "О, поддержи, пожалуйста, я на минуту". Я взял её очень внушительного веса портфель и не отдал, когда она вернулась, понёс, провожая. Шли молча. Наконец, она мрачно:

— Спрашивают: "Что будете? Чай, кофе?" Новая элита. Из грязи в князи. Они освоили "мизансцены, ракурсы, ритм, монтаж", читали Чехова, Горького, даже Аверченко. Но говорят! И детей своих научат так, как говорили их родители. Мещане, обыватели (это их никоим образом не должно обидеть или унижить. Это среда, откуда вышли мы все. С Малой Арнаутской в Одессе, с Владимирской и Подола в Киеве, Замоскворечья в Москве). Эти кинодеятели говорят на русском по-барски, вставляют шикарные псевдоиностранные слова и псевдославянские выражения, а в русском — "что будете?", без дополнения. А это абсурд, безграмотность. Русский язык велик и могуч, это вы заучили с младших классов. Выучить — это хорошо. Но надо язык чувствовать. Как? Нутром! Пупом, селезёнкой. На уровне подсознательного осознать принцип, основы построения, словообразования. И тогда немислимо будет коверкать язык.

— То есть "алгеброй поверять гармонию". Боже! Как она улыбнулась! И провела рукой по моей нестриженной чуприне.

— Но ведь допускаются сокращения в разговорной речи? (Это я для поддержа-

ния разговора и чтобы понять, почему она так распалась по такому малозначимому поводу.)

— Допускаются, если "утром я пила кофе, а сейчас буду чай", и то как-то не очень... (Сморщила нос.) Даже очень не очень. Есть с десяток приемлемых вариантов.

— Но как понять в таких случаях, как проверить?

— Да зачем проверять!? А впрочем, пожалуйста. Если "я буду чай", то должна быть форма "я был чай". Абсурд!

— Но ведь очень многие говорят так. Почему?

— О, почему! Есть слова и выражения, для которых подходит термин "обывательизм". Вот появились такое полуграмотное выражение в Киеве или Караганде — и сотни, тысячи, за ними миллионы обывателей с огромной скоростью из уст в уста, сразу узнав в нём своё, родное, передают его друг другу и, наслаждаясь, повторяют и повторяют, считая его чем-то из области высшей культуры. Это как оттопыренный мизинец на руке, держащий рюмку. А эти кошмарные, обычно нараспев, "Тань, Вась", "это ты, Оль?", "да, Катя". Какая-то чумовая, деревенская звательная форма, не существующая в современном языке. Есть следы старинной звательной формы или звательного падежа. Но какие! "Отче", "боже", "врачу", "господи", "человече", наконец. А вот замечательные образцы нью инверсии, бессмысленной, но обозначающей принадлежность к "высшему обществу". На ваше "добрый день" — жеманное "день добрый". Вместо "спасибо" или вполне законного "большое спасибо" — бессмысленное "спасибо большое!"

У Пале-Рояля она в продолжение темы назвала ещё несколько примеров, взяла портфель и по ступенькам вошла в тень двора. Примеры эти частью неактуальны теперь, частью мною забыты. А жизнь продолжается. Перестройка с её великим скачком культуры потребовала и количественного, и качественного усовершенствования обывательизмов. Что говорить, спрос рождает предложение. Как сказал некий еврей родом из Трира, язык — явление классовое. Зародился средний класс, а у него уже готовый язык. "Я по жизни певца", "Я по жизни оптимист", "Чем вы занимаетесь по жизни?" — из передач центрального телевидения. Услышаны три фразы в течение 20 минут.

Слесарь ЖЭКа, с ильфовской кличкой "слесарь-интеллигент" за опрятность в одежде и работе, зовут его Станислав, иногда заходит выпить и пожаловаться на жизнь. Однажды сидим на кухне, вдруг он:

— Если не возражаешь, выключи телевизор, не выношу этой ничкённой передачи. Прогноз погоды. Выходит (неудобно повторять, но иначе пропадёт аромат его речи) дура и на голубом глазу говорит: "В Саратове — два мороза, в Одессе — три тепла". Каких два мороза, может, два Деда Мороза?! Если бы она и её редакторы учились языку в школе, а не на базаре, знали бы: нельзя употреблять числительные со словами, обозначающими состояние, свойство или вещество, без дополнения. Нельзя, как базарные... говорить "мне два молока", "две соли". Так же, как два железа, два возбуждения и два тепла. Не может быть такого сокращения. Есть ведь много правильных форм: "В Одессе три градуса", "В Одессе плюс три", а лучше — в Одессе три градуса тепла. Но нет! Эта (дама) выберет единственную неграмотную форму и с наслаждением (она её считает признаком элитарности, тонкой культуры — я вспомнил об оттопыренном мизинчике), с наслаждением повторять её ежедневно. А вслед десятки таких же грудастых и толсто... (щёких, скажем так) подхватывают эту дикость, как знамя. И это по телевидению, которое учит народ говорить! Раз сказали с экрана, значит, это норма!

— Давай, Стас, за родную Одессу! За мою сорок третью и твою, без номера, зато у самого парка. Как ты можешь помнить все эти мутные правила грамматики и не помнить номер родной школы?

— Не режь больше мяса, я огурчиком... доливай остаток, надо идти работать. Хорошо! А правила зубрить не надо, надо чувствовать родной язык печёночной.

— Ба, как звали вашу "русачку"?

— Звали её незабвенной памяти Генрих Августович, человек нежный и негибачейший.

Моей жене: "Людочка, красавица, найди нам ещё по чуть-чуть!"

Людочка, вынимая из холодильника, сладко, своим меццо: "Стасик, для тебя — в любое время, из самых высоких побуждений. Ты же знаешь, я мечтаю о финском унитазе!"

— Молодец у тебя жена! Логическое мышление украшает женщину!

Месяц спустя. Та же кухня, тот же телевизор.

— Выпьешь, пан Станислав?

— Нет, не хочется, давно не хочется, посижу, пойду в шестой корпус... Послушай, что говорят! Задолбали этими "как бы", это же полный идиотизм — слушай: "Я как бы выхожу из дома", "я как бы встречаю подружку". Пол-России сошло с ума. Так ведь говорят уже и известные артисты, и режиссёры, и певички "по жизни". Человек, даже учившийся на тройки, прочитавший две книги, не может не понимать, что "как бы выхожу" означает прямо противоположное: "Не выхожу, мысленно выхожу, хлопаю дверью и прячусь за шкаф". "Как бы" — замечательная тонкость русского языка, сродни "якобы", произошла, думаю, от сокращения "как будто бы", но приобрела новый богатый оттенок, лёгкий и виртуальный. (Ну, понесло слесаря, выдать, от злоупотребления.) Вчера нашей диспетчерше Фаине Сомовой (ты видел, девица "потрясная", и через слово "как бы") положил руку на коленку: "Фаиночка, нельзя в таких случаях говорить "как бы". Она, тупо глядя: "А почему?" "Ты поймёшь, если вместо "как бы" мысленно подставишь "якобы" или "как будто бы". "А зачем?" "То же тупое выражение лица с примесью некой жалости ко мне (ведь это так элитарно!). Эпоха недоумков".

Я успокаивал его, как мог. Мол, "как учат, кто учит, успеваемость выше знаний"! А недавно один умник по телевизору: "Прежде чем учить, учитель должен научить себя уважать своих учеников, никогда и ни при каких обстоятельствах не оскорблять их чувство собственного достоинства, не задевать ни прямо, ни косвенно их недостатки". Так вот, дорогие наши Софья Яковлевна, Арон Евсевич, Марта Максимовна, Мери Александровна, вы, нас учившие в любимой нами одесской школе № 43, это ведь так просто! Не надо вкладывать душу, достаточно použíвать два раза в неделю и выставить невысокий балл. А вы-то тратили себя, вы нас любили и жалели. И это помогало вам знать, когда ударить, когда погладить. Нас, своих детей.

Я, признаюсь, дважды подстергал Софу и провожал, "гуляя", как нерадивый ученик с Сократом, впитывая премудрости. Уверен, ей тоже было интересно учить тому, "что не в школе", и видеть, как я слушаю.

— Нельзя бездумно менять связанный с языком. Отменили ять и и красные профессора, из экономики в печати перестали ставить две точки у "ё". И что же, народ стал говорить "шОфер, плАнер, утро вечера мудренЕе", зато "современНый". Что означает — трамваи идут "один за одним" вместо "один за другим" (вот так, Владимир Семёнович!)? По логике это — "бегу сам за собой". Из той же обоймы — режущие слух безграмотности "и то, и то" (правильно — "и то, и другое", "и то, и это"), "и там, и там" (надо "и там, и здесь"), так же — "и так, и так" (вместо "и так, и этак", например). Отсутствие чувства языка!

Во время непродолжительных прогулок Софья Яковлевна рассказывала много интересного, но не всё доходило, а что-то тут же вылетало в другое ухо. Прямые потери. Были и паузы по две и три минуты, тоже потери. Противоречивые наставления. "Говори правильно в любом окружении, не подделывайся под большинство и сильных". "Говори правильно, не выпячивая грамотность, единоверцы и желающие приобщиться придут сами — вот как ты ко мне. А вот желающие во что бы то ни стало показать свой интеллект зачастую щеголяют словами "инцидент" и "прецеидент", хотя говорят "дОговор, договорА, торта, крема" и ещё чёрт знает что. Шедеров из копилки обывательизмов ты ещё встретишь десятки".

Вечный вопрос: что делать? А ничего! Главный доктор и в этом — время. Обывательизмы возникают, входят в моду, начинается эпидемия, пандемия, затем постепенно надоедают, исчезают, зачастую — вместе с носителями. Мода недолговечна. И в этом спасение.

Дорогие умненькие одесситы и одесситки, я знаю: вы люди не равнодушные. Как было бы отрадно нам, старикам, на Одесской улице увидеть чугунную доску, указывающую, что в этом доме находится Клуб радетелей российской словесности имени блистательной Софьи Гасско. Клуб, созданный вами.